

Нас не поссорила, ее сожгла
И лишь тогда покой найти смогла.
Мой муж признал, что мастерским ударом
Он побежден, и не ярился даром.
«Дражайшая и верная жена,
Теперь хозяйкой будешь ты одна.
В твоих руках и жизнь моя и кров,
Храни же честь свою, мое добро!»
Мы с той поры не ссорились ни разу,
И, если доверяете рассказу,
От Дании до Индии не сыщешь
Такой жены, хотя весь свет обыщешь.
И муж мне верен был, да упокоит
Его господь в раю, – того он стоит.
Теперь, коль я не утомила вас,
С господней немощью начну рассказ.

Слушайте слова, коими обменялись Пристав и Кармелит

Тут, рассмеявшись громко, кармелит
«Сударыня, – с улыбкой говорит, –
Да ниспошлет господь вам утешенье,
Такой длины я не слыхал вступленья».
А пристав, только это услышал,
Громовым басом в голос закричал:
«Клянусь спасителя распятым телом,
Монахов с осами сравню я смело.
Ведь, в самом деле, муха и монах,
Что в кушаньях, что в винах, что в делах, –
Повсюду липнут и суют свой нос.
Чего ты это о вступленьи нес?
Длинно иль коротко, но нам по нраву,
И мой совет: не портить нам забаву».
«Советуйте, советуйте, сэр пристав,
Пусть будет яростен ваш гнев, неистов,
О приставах такое расскажу,
Что вам, мой друг, наверно, удружу».
«Свою побереги, приятель, кожу.
И ты, монах, мне можешь плюнуть в рожу,
Когда о братьях истины позорной
Всем не раскрою я до Сиденборна.
Тебя, монах, порядком я позлую
Той правдой, прямо в сердце уязвлую».
«Цыц, петухи, – стал разнимать хозяин, –
Чего вы напустились целой стаей
И доброй женщине рассказ начать
Вы не даете. Будет вам кричать,
Опомнитесь и людям не мешайте.
Хозяюшка, рассказ свой начинайте».
«Охотно, сударь, коль святой отец
Меня благословит». Тут наконец
Утихли оба, молвил кармелит:
«Исполни, женщина, что долг велит,
И бог тебе воздаст за послушанье,
А мы послушаем повествованье».